

С. О. Терновых

(научный руководитель – доктор филологических наук И. А. Спиридонова)

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Проблема номинации лирического «Я» в поэме В. Маяковского «Облако в штанах»

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию системы номинаций в поэме В. Маяковского «Облако в штанах». Номинативный комплекс включает более 100 наименований, анализ которых позволяет проследить конфликт «нового поэта» со «старым миром», а также драму самопознания и самоопределения лирического героя. Три ключевые номинации лирического героя: «крикогубый Заратустра», «голгофник оплеванный» и «тринадцатый апостол» – не реализуются в сюжете. Лирический герой оказывается не способным самоопределиться и дать миру «божественный глагол».

Ключевые слова: номинация, лирический герой, Маяковский, Облако в штанах.

Поэма написана в год начала I мировой войны, у истока потрясших мировых событий. В автобиографии «Я сам» в 1922 г. В. Маяковский писал: «НАЧАЛО 14-го ГОДА / Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над “Облаком в штанах”» [Маяковский 1955: 22]. Отправленная в печать с заглавием «Тринадцатый апостол» поэма была отвергнута цензурой. Из нее вычеркнули 75 строк и потребовали изменить заглавие. Так родилось «Облако в штанах».

Поэму принято рассматривать как бунт Маяковского против внешнего мира, который он сам сформулировал так: «Долой вашу любовь! Долой ваше искусство! Долой ваш строй! Долой вашу религию!». Эта формула стала руководством для анализа поэмы в советское время. Завязкой сюжета в поэме стала драма отвергнутой любви лирического героя (далее ЛГ), которая актуализирует конфликт «новый поэт – старый мир». Образ ЛГ представлен развернутой системой номинаций, в которую входит более 100 различных художественных номинаций. Анализ системы и динамики номинаций лирического «я» позволяет выявить его внутренние противоречия.

А. Ф. Лосев писал: «Имя – есть окончательный предмет всех умных самовыявлений и самовыражений, имя – есть предмет понимания и даже не предмет, а самое орудие понимания, и потому оно есть не восприятие, но мышление, не ощущение, но чувство, не внешнее созерцание, но внутренняя самоуглубленность и духовное средоточие» [Лосев 1993: 71]. В художественном тексте номинация выступает как особая категория, основанная на семантических преобразованиях и прагматически обусловленных приращениях смысла в сфере лексической и категориальной семантики имен существительных, прилагательных, местоимений [Гуцалюк URL], а также поэтических фигур речи (тропов), образующих номинацию. Н. Д. Тамарченко выделяет следующие номинативные позиции в структуре художественного текста: наименование персонажей, обозначение лиц или предметов; цепочки повторов именованных, относящихся к одному лицу или предмету; динамика изменений в чередовании именованных в речи повествователя [Тамарченко 2008: 147].

«В лирике все связано с образом лирического “Я” поэта, с его мировосприятием, с его взглядами, интересами и стремлениями, которые являются объектом художественного постижения» [Лурье 1972: 3]. ЛГ в поэзии часто наделен автобиографическими и автопсихологическими элементами. Образ ЛГ, представляя и раскрывая героя читателю, одновременно является важнейшей формой выражения авторского сознания в произведении: передает мысли и чувства писателя, его виденье мира и человека, аксиологию, хотя и не тождествен при этом автору. ЛГ Маяковского – непримиримый бунтарь, всегда интересный и самобытный, с яркой эстетической и характерологической

индивидуальностью, при этом максимально приближен к автору. Маяковский нередко нарекает героя собственным именем (трагедия «Владимир Маяковский»), однако в поэме «Облако в штанах» ЛГ не имеет одного конкретного имени, он находится в поиске. Номинация в подавляющем большинстве случаев происходит от первого лица, то есть герой себя «самономинирует».

Напряженный внутренний сюжет, образованный динамичной сменой номинаций, ярко высвечивает не только конфликт «новый поэт – старый мир», но и личную драму самопознания ЛГ Новый – значит «впервые созданный, возникший недавно, взамен прежнего» [Ожегов 2011: URL]. Сверхзадача ЛГ, поэта-футуриста, – дать миру «новый завет». Его путь – это непринятие всего, что уже известно. Самоутверждение ЛГ зиждется на отрицании: он не желает вписываться в таксономию «старого» мира, однако вне ее невозможно самоопределение.

Любовные и поэтические, телесные и духовные страсти, которые проживает ЛГ, представлены калейдоскопом образных характеристик, противоречащих и отрицающих друг друга: «от мяса бешенный», «облако в штанах», «Везувий», «одни сплошные губы», гигант с «солнцем-моноклем», ведущий «на цепочке Наполеона, как мопса», «собака с отрезанной поездом лапой» – все это художественные самономиниации поэта-футуриста, его эго-рефлексия.

Первыми в номинативном сюжете выступают оба варианта названия поэмы. Метафора «тринадцатый апостол» представляет собой важную для автора номинацию, отсылающую к Евангельской традиции, и ставящую проблему роли поэта в мире, предназначение которого – дать (донести) миру «божественный глагол». Второе – «облако в штанах» – гротескная лирико-комическая образная вариация, выраженная посредством оксюморона: сочетания земного и небесного, обыденного и возвышенного. В метафизическом портрете ЛГ определяющей образной номинацией становится «сердце». «Окровавленный сердца лоскут» появляется в начале поэмы. Живое кровоточащее сердце – именная, персональная образная характеристика ЛГ в поэме и только его: окружающие и социум предстают бессердечными. Главный атрибут буржуазного общества – «жир», который символизирует отсутствие чувства, мысли, деятельности. «Жир» и «сердце» у Маяковского – контекстуальные антонимы, которые не единожды встречаются в его творчестве («Гимн обеду»). «Окровавленный сердца лоскут» можно интерпретировать как идущее от сердца слово поэта-футуриста, которым он намерен героически-жертвенно пробуждать общество к новой жизни, и как индивидуально-личный акт жизнетворчества. С одной стороны, мы видим генетическое родство ЛГ с образом Данко, совершившим жертвенный, героический поступок, с другой – здесь зарождается внутренний конфликт ЛГ между идеей жизни и чувством жизни.

В 1 главе развивается любовно-творческая драма героя. Центральная «внутренняя» самономиниация ЛГ, получающая статус кульминационного события лирического сюжета, – «пожар сердца», которая оформляется на взаимодействии (контаминации) с другой метафорой «церковка сердца» («у церковки сердца занимается клирос»). Традиционен для русской культуры образ «церкви сердца» как духовно-душевного центра человека. Пожар в этом случае являет собой катастрофу и символизирует не духовную любовь-созидание, а любовь-страсть, разрушительную для человека. Древние греки выделяли 7 типов любви, высший из которых – «агапэ» или христианская любовь-милосердие («Бог есть любовь», – говорил святой Иоанн) [Контр-Спонвиль 2012: 29]. Любовь героя поэмы – это любовь-страсть, любовь-борьба. Акт самовоспламенения и самосожжения, с одной стороны, символизирует любовную драму ЛГ, а с другой – являет его жертвенный героизм, который декларируется в начале поэмы.

ЛГ Маяковского, в первую очередь, поэт, чья миссия – дать миру сакральное слово. На это указывает еще одна номинация, выраженная гиперболической метонимией «сплошные губы». Губы символизируют чувство любви и звучащее слово. Губы даны «вывернутыми» наизнанку: внешнее физическое выражение внутреннего напряжения –

горения-творчества. В сюжетной цепи номинаций оформляется образ «поэта-трибуна»: поэта-футуриста с новым словом о жизни.

Во 2 главе, ЛГ, уже потерпевший любовное поражение, провозглашает себя новым духовным вождем – «крикогубым Заратустрой». Заратустра – пророк и основатель древнейшей монотеистической религии откровения – зорастризма, в уста которого Ницше вложил идею о сверхчеловеке. Ницше также говорил о «смерти Бога, подразумевая под этим духовный кризис человечества, которое не способно понять и принять «истинного» Бога, не чувствует «божественного», а потому совершает преступление перед жизнью [Ницше 2005: 276–336]. Сверхчеловек, по Ницше, «должен фиксировать в себе образ человека, преодолевшего самообусловленность собственной естественной природой».

Общий по духу и идее поэтический бунт Ницше и Маяковского против христианства не есть следование Маяковского за Ницше, напротив, это бунт и против религии, и против самого Ницше. Претензии ЛГ на роль нового поэта-мессии откровенно заявлены в 3 главе: «...невероятно себя нарядив пойду по земле, / чтоб нравился и жегся, а впереди / на цепочке Наполеона поведу, как мопса...» [Маяковский 1998: 98].

Путь Заратустры – это Любовь к себе, к людям, к Богу в ее сакральном проявлении. ЛГ Маяковского выбирает путь отрицания и ненависти. Поэт-футурист бунтует против мира, где торжествует лже-любовь и лже-творчество. Возвратный глагол «жегся» говорит о том, что сожжены будут не только «уличные тыщи», но и сам ЛГ. Неустроенный и обозленный на весь мир он предлагает не любовь, а ненависть, не мир, а кровавую революцию: «Выньте, гулящие, руки из брюк – / берите камень, нож или бомбу, / а если у которого нету рук – / пришел чтоб и бился лбом бы!» [Маяковский 1998: 97].

Казалось бы, ЛГ декларирует народность в новой, радикальной форме «улицы»: мыслит себя как язык «улицы безъязыковой». Однако объединение лирического «я» с уличной толпой/массой в «мы» в поэме весьма эфемерно и по сути своей уникально, поскольку в дореволюционном творчестве «Я» поэта всегда откровенно противопоставлено безличному множеству, толпе. Возникает мнимое единение: «Мы – каждый держим в своей пятерне миров приводные ремни» [Маяковский 1998: 101]. За декларацией единства «мы» тут же проступает хаос и конфликт «каждого» с «каждым». Вновь возникает оппозиция поэт – толпа, предзнаменующая появление нового имени: «...и не было ни одного, / который / не кричал бы: / "Распни, / распни его!"» [Маяковский 1998: 104].

Сюжет распятия появляется во 2 главе не единожды. Именуя себя «предтечей» революции, ЛГ говорит: «я – где боль, везде; / на каждой капле слезовой течи / распял себя на кресте» [Маяковский 1998: 105]. Далее появляется новое сакральное имя, которое примеривает к себе ЛГ Маяковского в экзистенциальном бунте против лже-мира и жажде дать человечеству новое слово спасения: «Голгофник оплеванный» (3 глава): «Чего одаривать по шаблону намалеванному / сиянием трактирную ораву! / Видишь – опять / голгофнику оплеванному / предпочитают Варавву?» [Маяковский 1998: 108]. Временная формула «опять» и определение «голкофник оплеванный», казалось бы, утверждает хриstopодобие ЛГ. Указывает на это и упоминание Вараввы. Варавва – разбойник, судимый вместе с Христом. По решению народа в день Святой Пасхи был помилован Варавва, а не Иисус. Протопопоставление «голкофник» – «Варавва» продолжает у Маяковского конфликт «новый поэзия» – «старый мир». Именуя себя «голкофником», ЛГ, как показывает дальнейший сюжет, не стремится следовать «стезей Христа», а стремится заменить Бога. Бунт становится не только поэтическим, но экзистенциальным, космогоническим. ЛГ отвергает все существующие людские, природные, божественные законы и ставит свое «Я» выше их. ЛГ посягает на авторитет Бога-отца (4 глава): «Я думал – ты всесильный Божище, / а ты недоучка, крохотный Божик...» [Маяковский 1998: 108]. Сюжет являет ЛГ «блудным сыном», не способным на возвращение и осознание своих ошибок: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою / отсюда до Аляски!» [Маяковский

1998: 109]. Герой не принимает ответ христианства на главные для него вопросы. Обожание сменяется протестом, вера – богоборчеством.

К концу 3 главы ЛГ, казалось бы, смиряет свои мессианские претензии и именуется себя «тринадцатым апостолом». «Тринадцатый апостол» – заглавие 1-й редакции поэмы, таким образом, данная самооценка ЛГ совпадает с номинацией автора. Слово «апостол» имеет 2 основных значения: 1) «...в христианстве: ученик Христа, несущий людям его учение»; 2) «последователь и распространитель какой-нибудь идеи» [Ожегов URL]. Оба определения указывают, что апостол – человек, несущий и распространяющий учение, идею, веру, служащий одной масштабной цели. Но какой цели служит ЛГ? Как поэт, он сакрализует поэзию, служит «божественному глаголу» [Пушкин 2019: 635]. В этом смысле он является «инструментом» поэзии. С другой стороны, ЛГ провозглашает себя творцом «новой поэзии»: она рождается в нем. Его слова не только «именят» тела (нарекают все в мире, подобно Адаму, исполняющему волю Бога), но и «новорождают» души (богоподобная функция). Здесь речь идет уже не о следовании какому-либо учению. ЛГ претендует на роль творца: «...и придут они – / и будут детей крестить / именами моих стихов» [Маяковский 1988: 100].

Номинация «тринадцатый апостол», поставленная автором в 1-й редакции поэмы как центральная в именовании ЛГ, в лирическом сюжете уходит на третий план (3-я в цепочке), а затем вовсе оказывается не реализованной. ЛГ не жаждет приобщиться к Божественной мудрости, не исполняет апостольскую функцию, а напротив, пытается диктовать свое «я» и свое «хочу» Создателю и миру. В итоге проба жизни, поиск себя, непрерывная борьба с существующим миропорядком, а главное – с Богом, приводят ЛГ к духовному сгоранию.

В. Альфонсов определил «Облако в штанах» как поэму безграничных притязаний молодости [Альфонсов 1984: 88]. Однако эти притязания, так дерзко заявленные в начале, в конечном счете не способны реализоваться в жизни. Четыре отрицания не оформляются в позитивную программу. Бунт героя против мира и Бога превращается в отречение от жизни и самоотрицание. Три главных номинации, которые примеривает на себя новый поэт: «крикогубый Заратустра», «оплеванный голгофник» и «тринадцатый апостол» не удовлетворяют лирического героя и остаются не реализованными в сюжете. В 1-й главе героиня дала единственную в тексте номинацию ЛГ извне: «...меньше чем у нищего копеечек / у вас изумрудов безумий...» [Маяковский 1988: 93]. Метафора «изумруды безумий» подразумевает поэтический дар, гениальные творения. Мария «обнутила» поэтический дар ЛГ. После этого разговора герой остро рефлексировал свое двойничество: «...и чувствую – / «я» / для меня мало. / Кто-то из меня вырывается упрямо...» [Маяковский 1988: 94]. Весь лирический сюжет поэмы – это жажда самоопределения, поиск своего сакрального «Я». ЛГ не сумел разобраться в себе, определиться в своем имени. В финале ЛГ определяет себя через «я», лишенное прямых образно-номинативных характеристик, но из контекста вырисовывается подросток, растерянный и бравирующий: «Эй, небо, снимите шляпу – Я иду!» [Маяковский 1998: 113]. ЛГ трагически обнажен: он так и не узнал своего Имени и не дал миру сакрального Слова, обладающего космогонической энергией. Зоологический образ спящей вселенной в финале показывает неосуществленность и неосуществимость теургических претензий ЛГ, поэта-футуриста, а за ним и автора. Вместе с тем поэма «Облако в штанах» в своей честной трагической исповедальности выразила внутреннюю и внешнюю неустроенность человеческого «Я» в современном мире.

Литература

Альфонсов В. Н. Нам нужно слово для жизни: В поэтическом мире Маяковского. Л. : Советский писатель, 1985.

Гуцалюк О. Н. Типы и функции номинаций персонажа (на материале романов М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и В. В. Набокова «Лолита») [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/372980> (дата обращения: 08.04.2021).

Контр-Спонвиль А. Философский словарь. М. : Этерна, 2012.

Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М. : Мысль, 1993.

Лурье А. Н. Лирический герой в поэмах Маяковского: лекция из спец. курса «Жизнь и творчество В. В. Маяковского». Л. : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1972.

Маяковский без глянца / [сост. Павла Фокина и Дмитрия Тимофеева; вступ. ст. Павла Фокина]. СПб. : Амфора, 2008.

Маяковский В. В. Избранная лирика. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра: [перевод с немецкого] / Ф. Ницше. – М. : АСТ, 2005.

Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова. М., 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov.textologia.ru> . – (дата обращения: 07.04.2021).

Пушкин А. С. Полное собрание стихотворений в одном томе: стихотворения. М. : Эксмо, 2019.

Ternovykh S. O. The problem of nomination of the lyrical self in V. Mayakovsky's poem «A Cloud in Trousers»

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the system of nominations in Vladimir Mayakovsky's poem «A Cloud in Trousers». The nominative complex, consisting of more than 100 titles, allows us to trace the external conflict of the «new poet» with the «old world» and the personal drama of self-knowledge and self-determination of the lyric hero. The inner contradictions of the lyrical hero-the futurist poet-will remain unresolved until the end of the work. Three key nominations – «Golgotha the spat upon», «the loud-lipped Zarathustra» and «the thirteenth Apostle» are not implemented. The lyrical hero is not able to give the world the «divine verb» and self-determine

Keywords: nomination, lyrical hero, Mayakovsky, A Cloud in Trousers.

А. С. Лашева

(научный руководитель – доктор филологических наук М. Н. Виролайнен)

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Поэтическая саморепрезентация А. Белого, В. Маяковского и В. Хлебникова: моменты сходства

Аннотация: в статье рассматривается сформированный в поэзии символизма и развитый в футуризме образ поэта-пророка-шута. Самосакрализация фигуры поэта, характерная для Андрея Белого, была унаследована футуристами и трансформирована согласно их принципам мироустройства. Так, в художественной системе футуризма самосакрализация поэта обеспечивается, наряду с его избранностью, совмещением сакрального и профанного в одном измерении, а мотив ожидания сменяется призывом к действию. Безумие поэта-пророка у А. Белого содержит в себе потенции для сюжетов компрометации сакрального, которые позже воплотят футуристы.

Ключевые слова: А. Белый, В. Маяковский, В. Хлебников, поэт-пророк, самосакрализация, компрометация сакрального